Лицензия на справедливость

Норвежский Лесной

SHOUT
SHARE
IT

- Норвежский Лесной

Норвежский Лесной
Лицензия на справедливость

Я допил остатки кофе, открыл электронный бумажник, набрал личный идентификационный код и мизинцем щелкнул по пиктограмме циферблата. Оказалось, что до начала юбилейного вечера встречи выпускников нашего класса осталось ровно четырнадцать минут. Раздался отрывистый сигнал, и на экране выскочило окно с предупреждением: «Действие лицензии на пользование решениями службы точного времени истекает через два часа тридцать восемь минут. Желаете зарегистрировать платеж сейчас ([Д]/н)?» Я не желал и захлопнул крышку. Ощущение надвигающейся опасности лишь впрыснуло дополнительную порцию адреналина.

Прозрачные двери информационного зала плавно разъехались, и на пороге возникла Анна Петровна.

Больше всего она была похожа на ту стерву, которой я и успел ее запомнить. Те же хищно поджатые губы. Тот же пронизывающий до мочевого пузыря взгляд. Те же собранные на затылке в коровью лепешку волосы. Та же пренебрежительно-надменная походка сушеной воблы из попечительского комитета. Только постаревшую на десять лет, разумеется. В руках она держала большую коричневую коробку. Я по привычке вскочил на ноги.

— Сиди, не вставай, — кивком головы учительница вернула меня на место. — Как хорошо, что ты все-таки написал письмо и сообщил о своем желании прийти. Это, — она поставила коробку на стол, — торт. Шоколадный, твой любимый. Я сама его испекла.

Я подумал о том, что последнюю фразу она могла не произносить. Если бы это было не так, черта с два я сейчас тратил бы время.

Она села рядом, наклонила кофейник над моей пустой чашкой и спросила:

— Ты заметил, как изменилась наша школа?

— Угу, — на сей раз пришел черед кивнуть мне.

— Четыре интернет-класса последнего поколения. Эскалаторы на всех этажах. Трехмерный кабинет анатомии. Тренажерный зал физкультуры мозга. И все это, разумеется, исключительно благодаря дотациям, полученным от продажи лицензий на интеллектуальную собственность.

Я промолчал. Я вообще за последние десять лет стал менее разговорчивым.

— Зря ты на меня дуешься. Это было сделано для твоей же пользы. Надеюсь, теперь-то ты это понимаешь?

Я сидел, набрав в рот кофе.

— Соблюдение прав использования интеллектуальных продуктов — самое большое достижение современности. Закон о лицензировании подарил будущее нашим детям. Без его внедрения в общественное сознание закрылись бы тысячи заводов. Миллионы людей лишились бы работы. Не осталось бы денег на медицину, решение экологических проблем, социальные программы. Несоблюдение элементарных правил честности…

Договорить ей не удалось — электронная доска вспыхнула, нагрелась, и на ней показалось радостное лицо молодой женщины с лицом удивительной свежести.

— Бог мой, Света Демушкина! — Анна Петровна отрепетированно всплеснула руками. Я был готов поклясться на «Дороге в будущее России», что все ее сегодняшнее утро было посвящено заучиванию имен бывших учеников перед цифровым зеркалом. — Как же мы все по тебе соскучились! Ну, как ты поживаешь?

Лицо женщины на экране исказилось ослепительной улыбкой:

— У меня все замечательно. Только я уже давным-давно Шикина, а не Демушкина. С тех пор, как мы с мужем приобрели лицензию на заключение брака. Мы переехали в Париж, у нас четверо детей, прекрасный дом и высокооплачиваемая работа. Спасибо вам огромное за чудесное воспитание. Привет, Ник! — женщина подмигнула в моем направлении.

Я вяло помахал рукой и перевел взгляд на Анну Петровну. Казалось, еще миллисекунда — и на ее глаза навернутся слезы умиления размером со страусиное яйцо.

На экране появилось новое окно с волевой загорелой физиономией молодого человека. Без сомнений, оно принадлежало Жене Малявину.

— Женечка! — задохнулась от счастья Анна Петровна. — Ты откуда?

— Здравствуйте, дорогая наша учительница! Я из Оксфорда. Поздравьте меня: только что, буквально вчера, продлил лицензию на сочинение стихов! Если позволите, с удовольствием пришлю вам что-нибудь новенькое.

— Разумеется! — последовал очередной приступ радости. — Ты еще спрашиваешь?!

А в это самое время в третьем окне демонстрировала белоснежные зубы очередная жизнерадостная дама.

— Наденька Юдина! Ой, и ведь совсем не изменилась!

— А я боялась, что не узнаете! Спасибо, у меня все лучше всех! — динамики разразились хихиканьем. — Представляете, я выиграла в лотерею лицензию на…

Дальше слушать этот бред я не стал. Меня мутило. Я высыпал на ладонь две таблетки аспирина, запил их остывшим кофе и отошел к окну.

Через двадцать минут, когда спектакль, наконец, закончился, я обернулся. Экран потух. Анна Петровна прижимала к глазам белоснежный кружевной платок.

— Вот видишь, — она всхлипнула носом, — у них все хорошо. Пойми же, я просто не могла тогда поступить иначе. В тот день, когда застала тебя в туалете, играющего в нелицензионный «Тетрис». Я была вынуждена позвонить в Отряд Морали Оперативного Наказания. А уж суд приговорил тебя к десяти годам исправительно-мозговых работ. Думаешь, мне было приятно? Нет, ты скажи, мне действительно нужно знать твое мнение.

Уголки губ сами образовали некоторое подобие горькой усмешки.

— Анна Петровна! Проблема заключается в том, что вы недостаточно хорошо информированы. Света Шикина не может в настоящий момент находиться в Париже. Три года назад у нее не хватило денег, чтобы приобрести лицензию на право воспитывать четвертого ребенка. В результате семья в полном составе была депортирована в компиляционный лагерь под Рэдмондом. Без права пользования электронной почтой, разумеется, — я с наслаждением следил за выпучиванием ее глаз. — Далее… Женю Малявина прошлой осенью поймали за чтением газеты в общественном месте. Без соответствующей лицензии, разумеется. И, естественно, избили до полусмерти. В больнице оказалось, что он стал полным идиотом. Единственное, что он способен делать, так это пользоваться последней версией нашей замечательной операционной системы, — учительница застыла с раскрытым ртом. — Надежду Александровну Юдину арестовали в тот момент, когда она с помощью кисти, холста и красок делала пиратскую копию изображения памятника Юрию Долгорукому. То есть непосредственно у подножия памятника. Теперь по приговору интеллектуального трибунала Надежда Александровна до конца своих дней будет рисовать баннеры для нужд правительства, народа и счастья следующих поколений.

Анна Петровна попыталась подняться из-за стола.

— Сидите, не вставайте, — я постарался вложить в жест весь сарказм, на который был способен.

— Но… Но… — она старательно подбирала нужные слова. —

Но они совершили преступление, в конце-концов! Они обокрали всех нас! А вор должен…

— Совершенно верно! — я с наслаждением продемонстрировал шедевр моего дантиста. — Вор — это главный враг общества на современном этапе. Здесь мы вплотную подошли ко второй проблеме. Правительство, народ и каждый честный человек считают, что на современном этапе враг недостоин сидеть в тюрьме. Враг должен быть уничтожен. Поэтому я к вам и пришел, дорогая Анна Петровна, — из внутреннего кармана пиджака я вытащил служебный «Вальтер ПК» и прицелился в переносицу учительницы. Зная, что в программе «Пользователь и Закон» меня увидят пятьсот миллионов человек, четко, как когда-то учили, продекламировал:

— Ваша лицензия на изготовление домашних тортов для некоммерческого использования истекла полтора месяца назад.

И, на секунду задержав дыхание, привел приговор в исполнение.

На доске появилась лысеющая голограмма шефа:

— Отличная работа, поздравляю. Мы тут всем отделом наблюдали — высший пилотаж. К тому же, это твое двадцатое успешно выполненное задание. А раз так, то я немедленно подписываю лицензию на право занимать должность сертифицированного инженера справедливости. С представлением к награждению орденом Святой Ольги. Надеюсь, ты понимаешь, что это означает?

Разумеется, я понимал. Это означает, что ни одна сволочь теперь не посмеет присылать мне предложения продлить лицензию на пользование решениями службы точного времени. Потому что с сегодняшнего дня я работаю на общество официально.